

КРОКОДИЛ

Рис. Н. Денисовского.

ИНСТРУКЦИЯ КРОКОРАМ

Корреспондент „Крокодила“,

Стой!

Сельским ячейкам смотр—глянь:

Эта без дел не ходила;

С той—

Дело, пожалуй, дрянь...

Ну-ка, проверь хоть одним

Глазком,

Нет ли кой-где вот таких красот:

Сверху—кулак, а под ним—

Вол-ком

Крестит, зевая, рот?

Там, где так,—бей залпом строк!

Там, где так,—„вилами в бок“!

Там, где так, крокодильей метлой

Весь сор из избы долой!..

Если ячейка—кума

Попу,

Если ячейке торгаш—свояк,

Если ячейка сама

В толпу

Сеет дурман и мрак,—

Тут смелей—бей залпом строк!

Тут сильней „вилами в бок“!

Тут скорей—крокодильей метлой

Весь сор из избы долой!..

Ясно и просто, как Буки—

— Аз,

Знать дай, кто спит, кто бодр.

В руки—

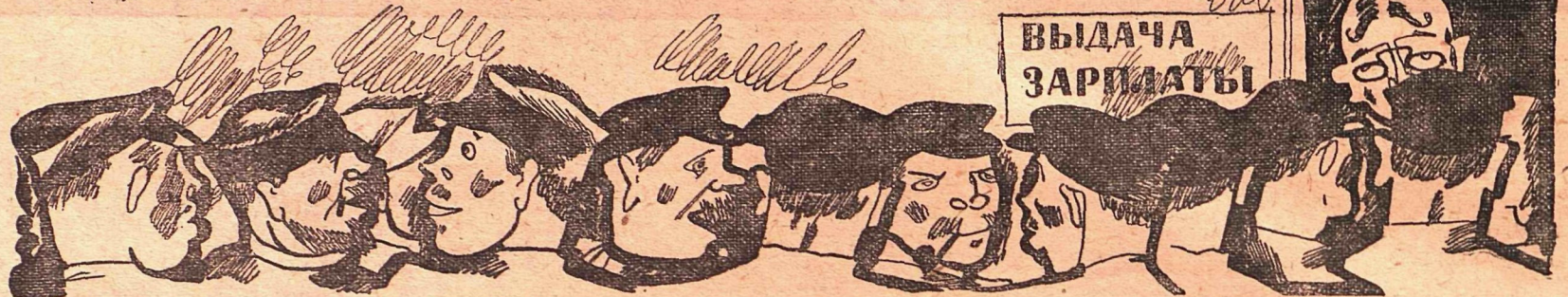
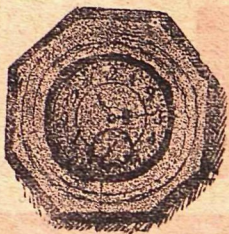
— Глаз:

Сельским ячейкам смотри!

КРОКОДИЛ: — Посмотрю-ка и я одним глазком!..

Рис. Н. Д.

ПОВЫШЕНИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ.

(В совучреждении).

Председатель испуганно взмахнул руками:
 — Товарищи, не расходитесь!.. Повестка дня не исчерпана. Еще один вопрос остался, товарищи...
 — Перенести на следующее собрание!.. — с радостной убежденностью возгласили из дверей расходящиеся.
 — Не стоит, товарищи, переносить: вопрос коротенький, займет всего пятнадцать минут. Прошу соблюдать этого... как ее... тишину!.. „О повышении производительности труда“... Слово для коротенького доклада представляется т. Королькову!
 — Ограничить время оратора!..
 — Он сам себя ограничит. Товарищ Корольков, вам десяти минут хватит?..
 — За глаза, — сказал т. Корольков. — Товарищи, я не буду затруднять внимание. Собственно говоря, которые следят за газетами, то вопрос ясен, и останавливаться не стоит... В сущности, у меня информация или, короче сказать, конкретное предложение. Хотя, так сказать, мы не фабрика, а советское учреждение, но, тем не менее, вопрос стоит остро, и нам нельзя, товарищи, отставать от рабочих! Интересы производства в общем и целом требуют, так сказать, и... но я не буду останавливаться на подробностях. Тут некоторые непродуманные элементы предлагали, например, переход на восьмичасовой день, но это, товарищи, собственно говоря, демагогия! Всякий поймет, что восьмичасовой день — это не повы-

шение производительности, а только поведет к сокращению штатов и...

— К делу!.. — возгласили из рядов.
 — Я перехожу к делу, — сказал т. Корольков. — Вместо, чем нам заниматься всякими измышлениями и частностями, которые ни к чему не поведут, мы постановили прямо перенести на общее собрание. Надо идти нога в ногу с рабочим классом, товарищи, и я конкретно предлагаю вынести здесь резолюцию о повышении производительности на пятьдесят процентов! Я кончил, товарищи!.. Да здравствует...
 Дружные аплодисменты помешали докладчику довести до сведения собрания, что именно должно было здравствовать. Когда аплодисменты затихли, председатель сказал:
 — В виду ясности вопроса, прений предлагается не открывать. Кто за открытие?.. Мало. Кто против? Подавляющее... Теперь голосуется предложение докладчика. Кто за то, чтобы повысить производительность труда в учреждении на 50%, прошу поднять... Можно не считать, товарищи?.. Кто против? Таких нет. Кто воздержался? Один... Итак, товарищи...
 — Можно расходиться? — осведомился кто-то из заднего ряда.
 Председатель поднял руку:
 — Тсс! Минутку! Итак, товарищи, большинством всех при одном воздержавшемся производительность труда в нашем учреждении повышается на пятьдесят процентов! Можно расходиться...

Н. И—в.

ИСТОРИЯ ПОВТОРЯЕТСЯ.

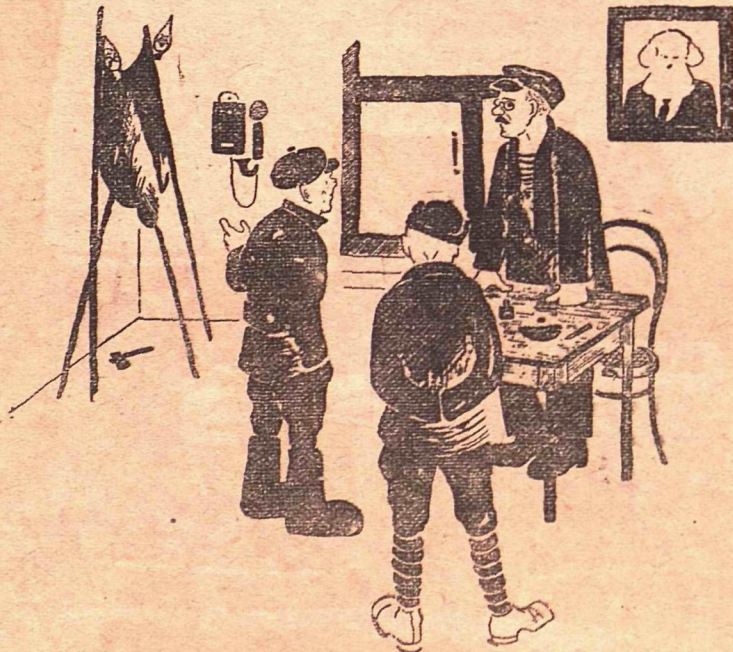
Рис. Ю. К.

ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ „ДУНЯ“.

(На мотив известной комсомольской песни).

Существует мнение, что наименьшая производительность труда наблюдается у комсомольской молодежи.

Мчится Дуня комсомолка
 От работы, как от волка...
 Э-эх, Дуня, Дуня, я,
 Комсомолочка моя!..
 Мне работать — не рука!..
 Труд ведь любит дурака!..
 Э-эх, Дуня, Дуня, я,
 Комсомолочка моя!..
 Нету Дуни за станком:
 Убежала в фабзавком...
 Э-эх, Дуня, Дуня, я,
 Комсомолочка моя!..
 За машиной — шум и гомон:
 Вся братва читает „роман“...
 Э-эх, Дуня, Дуня, я,
 Комсомолочка моя!..
 Ваня, брось завода зданье:
 Ждет Дуняша на свиданье!
 Э-эх, Дуня, Дуня, я,
 Комсомолочка моя!..

— Товарищ завклуб... У вас там за шкафом лежит с прошлого года знамя старое: „Долой Керзона“. Достаньте пожалуйста — опять, кажется, понадобится.

Брось работать! Как ты глуп:
 Ведь на спевку надо в клуб!..
 Э-эх, Дуня, Дуня, я,
 Комсомолочка моя!..
 Я — атлетка первый сорт!
 Я иду сейчас на спорт!..
 Э-эх, Дуня, Дуня, я,
 Комсомолочка моя!..
 Ваня в клубе балагурит,
 А Дуняша физкультурит...
 Э-эх, Дуня, Дуня, я,
 Комсомолочка моя!..
 За Дуняшей прет весь хор:
 Мишка, Гришка, Нил, Егор...
 Э-эх, Дуня, Дуня, я,
 Комсомолочка моя!..
 Дуня пряник уплетает...
 День рабочий быстро тает...
 Э-эх, Дуня, Дуня, я,
 Комсомолочка моя!..
 Дуня головы всем крутит,
 Над заводом шутки шутит...
 Э-эх, Дуня, Дуня, я,
 Комсомолочка моя!..
 Слушай, Дунюшка-душа,
 Физкультура — хороша!..
 Э-эх, Дуня, Дуня, я,
 Комсомолочка моя!..
 Но сначала всю работу
 Надо выполнить по Ноту!..
 Э-эх, Дуня, Дуня, я,
 Комсомолочка моя!..

Аргус.

СЛОВЕСНАЯ ПРОСТИТУЦИЯ.

БОРЬБА С ПРОСТИТУЦИЕЙ.

В Одессе на бирже труда зарегистрировалось около 300 бывших проституток, 100 из них уже получили работу. Все бывшие проститутки, зарегистрированные на бирже труда, застрахованы от безработицы.

Из одной газеты.

В заметке сей не только драма:
Вот, дескать, вид какой труда.
Здесь также стиль—„Одесса—мама“,
И наша общая беда.

Двоится смысл в заметке тесной,
И ароматцем злым несет.
От проституции словесной
Какая биржа нас спасет?!

Демьян Бедный.

(1) ПОВЫШЕНИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА...

Рис. Б. Ротоса

(3) ... кроме того, каждый полтинник ...

„СЕЛЬКОР“.

На общем собрании граждан с Ингульской-Каменки поставили на повестку дня вопрос о выборах селькора. Но председатель сельсовета Сулима раз'яснил, что селькор—враг местной власти, что его должность—смертельная должность,—и потому выборы селькора не состоялись.

Совсем было расходиться стали, конец сходу. Тут он и вышел, Ванька-то. Знаешь такого? Ну, Манюшки Парфунтьевой сын, красный армеец. Вышел и говорит:

— Граждане, говорит! Не расходись! Нам, говорит, хоть и последний, но самый первый вопрос предстоит—выборы селькора.

Зачесали наши в затылках:

— И так уж три часа простояли. В коленках свербит.

Ну Ванька, знаешь, настырный, не отстаёт:

— Граждане, говорит! Щучьи вы дети! Не расходись, говорит, язви вас! Мне, говорит, когда из армии уезжал, такой наказ дан. Чтобы был у нас селькор. Это, говорит, наш долг.

Вернулись наши: раз о долгах разговор пошел—каждому надо на своем месте быть.

Стоим этак, думаем, кого выбирать. Одни это за одного, другие за другого. А Ванька прямо не своим голосом голосует:

— Петьку Наровина! (Это значит сына моего, паренька). Петьку да Петьку!

Тут которые вступились:

— Петька, говорят, молодой. Петька летами не вышел. Где ж ему, говорят, мирскую должность справлять. Вот, говорят, Пров Степанов мужик пожилой, двух девок недавно отдал, ему теперь для мира-то на слободе послужить в самый в аккурат.

И к Прову кинулись:

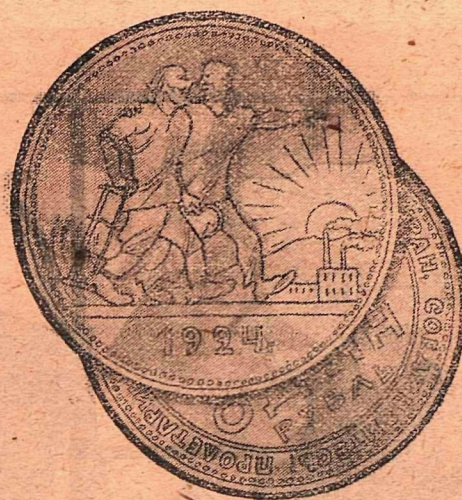
— Пров Степанов! послужи для мира! Будь этим... как его?.. селькором!

Ну тут Ванька опять начал голосовать:

— Петьку да Петьку!

Всех перекричал. И уж начал народ на моего сына склоняться.

(2)... УКРЕПИТ СМЫЧКУ С ДЕРЕВНЕЙ И..

(4) ... превратит в рубль.

Ну тут (дай ему бог здоровья!) выходит наш приседатель Кадыков Матвей. Вышел да как гаркнет:

— Чего это вы задумали? Да как, говорит, вы это так легко все делаете? Да знаете вы, кого вы выбираете? Селькора, говорит, выбирать нельзя. Должны, говорит, вызваться охотники. И обязательно грамотные.

Опешили наши. Приседателя этого Кадыкова у нас, знаешь, не любят и хотели его по выборам сместить, ну так как-то остался. А тут оказалось, что он нас прямо выручил.

Спрашивают у его:

— Верно, мол, не знаем мы, что за селькор такой и в чем его должность-обязанность состоит. Об'ясни.

Он и рассказал (дай ему бог здоровья на многие годы!).

— Темный, говорит, вы народ. Выбираете—а не знаете на какое отчаянное дело вы человека выбираете. Селькор, говорит, это есть враг местной власти, а также и всех граждан и должность селькора—это должность смертельная. Тут, говорит, одно может быть—должен явиться отчаянный доброволец. А выбирать, говорит—это безвинного человека на смерть спосылать.

Как он это сказал—у меня так все жилочки затряслись, живота со страху решил. Ну не об'ясни он все это—ведь Петька-то мой ни за что бы пропал? А? Вот грех какой! А Пров Степанов даже заплакал:

— Что же, говорит, мужички... Лютой вы меня смерти хотели предать на старости лет?

Тут все замолчали. Один только Кадыков говорит. И чем больше об'ясняет—тем больше в народе страх.

Под конец, веришь ли, дрожим все в ознобе, зуб на зуб не попадает. А Кадыков тут как глянет на нас, да как крикнет:

— А все таки селькор у нас должен быть! Кто вызывается? Да глазами этак по всем и провел. Ну тут, конечно, один за другого.

Тогда он голову кверху вскинул и говорит:

— Хороши, говорит! В совете я за вас страдаю и тут пострадать готов. Коли нет никого—так я буду селькором. Так уже и быть.

И головой тряхнул.

Тут у нас у всех от души отлегло...

С тех пор он, Кадыков-то у нас на деле и селькорит. И раньше-то его не любили, а теперь и вовсе слово сказать боимся. Что хочет, то и делает. И никак его не подковырнешь—я, говорит, селькор. Думаем на его в газету написать, может что и вышло бы. Да адреса не знаем. А то Петька бы мой и написал. Он давно собирается. Да и про другое, про все надо бы в газету рассказать. Чтобы был у нас такой писатель: как что,—сейчас чик!—и готово.

Говорят, газета-то здорово помогает...

Вас. Лебедев-Кумач.

ПРОТИВНЕЕ ВСЕХ.

— При старом режиме чего только не приходилось выносить нашим детям; одна церковно-славянская грамматика чего стоила!.. Юс большой, юс малый—один другого противнее!

— Ну уж извините, самый противный Юз—это американский!

Омнибус.

— Рис. К. Елисееса.

ОСТИН ЧЕМБЕРЛЕН ВСТУПИЛ В ИСПОЛНЕНИЕ ОБЯЗАННОСТЕЙ.

— Вы, господин стекольщик, замажьте окна; а вы, секретарь, — инцидент с письмом Зиновьева.

ХОДОК.

(Рассказ канцелярской уборщицы).

„Большая теперь мода пошла на ходоков. Как ни заявится к нам в Москву зипунишко, пенькой подпоясанный, с кривым посошком да с сумой дырявой—так сичас ему всеобщая внимательность, потому, сказывают, вышло городу такое постановление, чтоб всем лицом до деревни.

Конешно, насчет лица—это очень даже приятно и желательнo, ну только хочу я рассказать вам такой конфликт. У нас тут за это много рассказывали, и я знаю.

Прибыла, значит, в центр к нам личность из села Ешьпеевки,—так из себе сказать—ходок ходокам: зипун на ем такой, что может еще при Бонапартах справлялся, из лаптей лыко стружкой преть.

Так и так—на прием просится, в канцелярию. Ну, конечно—для кого „хвост“ и „становсь в затылочек“ и „без доклада чтоб нельзя“, а для ходока—„вне всякой“.

Хорошо. Вот он и заходит в кабинет до заведующего и заведующий ему с приветом улыбаются и говорят:

— Садитесь, гражданин, вот в етое кресло и дело свое подробно излагайте!

Тут в об'яснении ходок и об'явил по полномочию всей Ешьпеевки, что председателем того совета все люди недовольные, как за его незаконную строгость в обращении, так и за законную требовательность.

— Очень прекрасно!—сказали тогда ходоку заведующий—вы все происшествивя фактов продолжайте выкладывать, а я етое же в бумагу запишу, для мероприятия.

И наговорил ходок на восемь больших четвертушек с двух сторон. Когда же ходока наш заведующий с надеждой отпустивши, то сами так себе постановили:

— Доберусь ужо я до подобного председателя. Покажу, ему, как Ешьпеевских жителей обижать и против власти советской останавливать. И придется мне, видать, самому туды поездить!

Сказавши такое слово, прибывают в конце той недели наш заведующий в ту Ешьпеевку и к председателю имея зуб, не заходят, а больше держат направление вдоль по улице, где на ходу и справляются у проходящего Ешьпеевского жителя за адрес того ходока.

Проходящий в ответ пальцем на адрес показал и прибавляет словами:

— Вот он тут есть, самый домик кулацкий!

— Как то есть?

— А так—первейший у нас в селе кулачина.. Костоглот и кровосос!

И помахали плечом от удивления наш заведующий, но в домик указанный всходить и хозяина будто спознають, а будто и не спознають. Личность та самая, что в ходоке была, а одежда за первый сорт и в хороших сапогах. Хорошо.

Тогда заведующий с ним и с невысказанным удивлением здравствуются и говорят:

— Однако, какая непонятность в вас перемены. В центр приезжали вы на беднячком положении, а здесь вы, между прочим—кулак. И позвольте вас еще для полности обзору так спросить: неужели-ж вас, кулака подобного, тутошнее население ходоком избирало?

Нахмурился кулак и отвечает:

— Народ — дурак. Сам я за его, дурака хлопотал, сам свою иньяктиву выдумывал!

На его заведующий наш, не сказавши даже „адье“—повернули до дверей и очень просшествием расстроенные обратно в центр повернули.

С той же поры прежней беззаботной доверенности уже не имеют до ходоков наш заведующий и говорят, што наружность есть первейший обманщик. И в такую наружность рядится кулак деревенский.

А все почему? Не ходок нынче кулак—вот он в ходоки и лезет!

Л. Митницкий.

— Почему у вас, товарищ, нет ничего в этом номере о безхозяйственниках?

— Неправда, есть. У нас безхозяйственники идут на второй странице ЗАСТАВКОЙ.

ЗИМНИЕ КАРТИНКИ.

1917.

Зима. Крестьяне, торжествуя,
На двор господский побрели—
Делить, историю почуя,
Простор помещицкой земли.
В село медлительно—не прытко—
Катит крестьянская кибитка;
На ней, солидная деталь,
Блестит помещицкий рояль,
На нем, верхом, крестьянский мальчик,
Прутом презрительно гоня
Столь необычного коня.
Нога—на клавишах, и пальчик
Слегка наигрывает... Но—
Князь Львов грозит ему в окно!

1920.

Зима. Крестьянин, торжествуя,
Катит уездным городком:
Его лошадка, ног не чуя,
Везет излишки в Упродком.
Мороз. Под сенью Наркомпрода
Стоит мужицкая подвода.
Мужик ругается, бродя,
По рынку в поисках гвоздя.
Его сынок, смысленный мальчик,
Учтя родительскую злость,
В чужом заборе ищет гвоздь,
Шалун уж заморозил пальчик:
— Никак не вырвешь... мудрено!
А мат грозит ему в окно!

1924.

Зима. Крестьянин, торжествуя
(Что ни зима—другой мотив),
Спешит, сниженье цен почуя,
В уездный кооператив.
Ворчит посредник, частный фактор.
Хандрит кобыла, чуя трактор,
Нэ, презирая плуг и кляч,
Ей не сочувствует избач.
Вот—пионер, крестьянский мальчик,
Коньками режет скользкий скат.
Не на „Безбожника“ ль плакат
Его указывает пальчик?
Ему не страшно, а смешно...
А ВИК зовет его в ОНО!

1934.

Зима. Крестьянин, торжествуя,
На „Бенце“ обновляет путь.
Его машина, ров почуя,
С шоссе торопится свернуть.
Он, осудив небрежность эту,
Спешит в уездную газету,—
Чтоб „пропечатать“ УКХ:
Мол, инженерия плоха!
С ним, у руля, крестьянский мальчик,
Он говорит, вращая руль:
— По реомюру—ровню нуль...
(Но не замерз в перчатке пальчик!).
Ночь. Электричество давно
Им улыбается в окно! *Скорпион.*

УПРАЖНЕНИЯ ДЛЯ ПЕРЕВОДА.

(Из франц. учебника Марро).

— Милые дети, доставляли-ли вам удовольствие липы?
— Да, тетя, а также наш папа много смеялся над английским „письмом Зиновьева“.

* * *

— Даниил, получал-ли твой отец ордер на выселение из квартиры?
— Нет, но господин Маклаков выехал из русского посольства в Париже.

„ТЕКСТИЛЬЩИК“.

— Гражданин секретарь, не можете ли вы записать меня в профсоюз текстильщиков?

— А вы чем собственно занимаетесь?
— Да я в местном соборе церковнославянские тексты читаю.

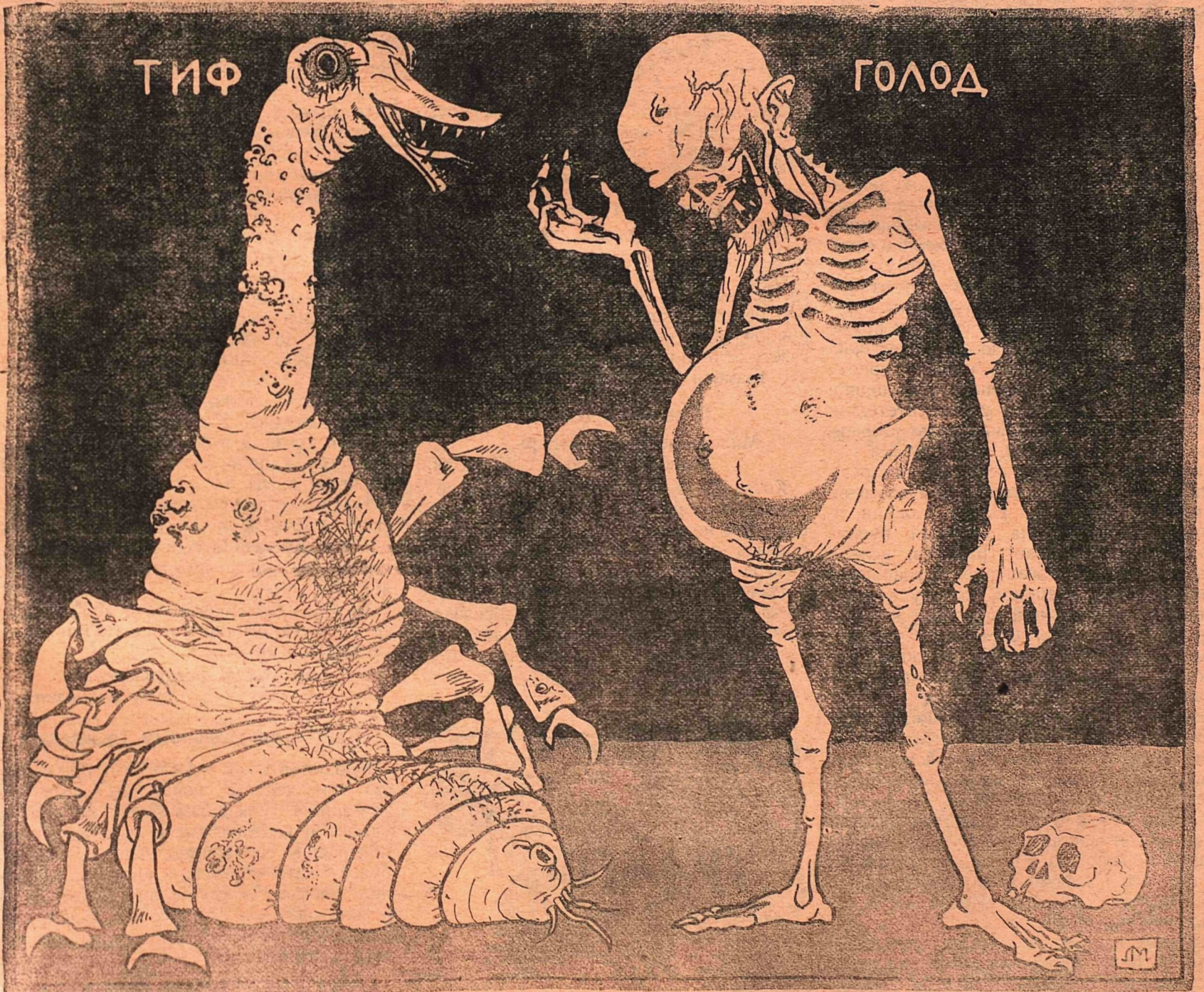
Обойма.

АЭЛИТЕ ПОСВЯЩАЕТСЯ.

— Какая разница между самоваром и кинофильмами?
— Самовар иногда раздувают сапогом, кинофильмы—рекламой.

Рис. Л. М.

ВХОД ВОСПРЕЩАЕТСЯ.

— Ну, братец голод, что поделываешь?—Да вот, гуляю по волости.—А в соседнюю волость не заглядывал?—Нет, туда мне нельзя. Там многополье.

Летом: — Ох, как медленно растет...

Зимой: — Ого, как быстро растет!

СПРАВОЧНИК КРОКОДИЛА.

Письмо гр. Гореликова.

Прилагая установленные Крокодилем марки ОДВФ, прошу напечатать в справочнике нижеследующее мое заявление:

В день отдыха по случаю октябрьских торжеств, я встал в шесть часов утра и не пивши чая отправился из дому, чтобы в восемь часов иметь возможность прикнуться к ведомственной колонне, на предмет демонстративного массового шествия. Трамвай № 17 доставил меня к пересечению Тверской и Охотного ряда ровно в 7 час. 50 мин. (по университетским часам). Обратив внимание на атмосферные осадки, я заметил, что еду без галош и гамаш, а потому вскочил на встречный вагон № 4, который помчал меня домой за галошами. Надев галоши, я срочно поспешил на сборный пункт. Пропустив несколько трамваев, вследствие торжеств чрезмерно переполненных, я пошел пешком, почему только в восемь с половиной подходил к Университету, где был остановлен усиленными нарядами милиции, которые, несмотря на предъявление мною галош и объяснения об опоздании, меня не пропускали. Таким образом, я лишился возможности присоединиться к колонне и тем доказать мое искреннее сочувствие советскому строю, а также перелом в настроениях интеллигенции.

О том, что я утром выходил без галош—может подтвердить моя жена, Мария Гореликова (домашняя хозяйка). О том, что я возвращался за галошами—удостоверят граждане Мосин П. А. и Колмогоркин Н. И.

Прошу настоящее письмо опубликовать, в виду циркулирующих слухов о беспощадном сокращении штатов, а равно и разрядном снижении.

К сему присовокупляю, что имею 35-ти летний служебный стаж, ни в чем проти-

воправительственном за все время службы замечен не был и последние два с половиной года не говёю.

Бухгалтер Гореликов.

Ответ гр. Гореликову.

Помещаем настоящее письмо, чтобы при предстоящем сокращении обратили сугубое внимание на перегруженность гр. Гореликова, ибо означенный гражданин не только не вышел на улицу 7-го ноября, но и не имел времени прочесть газету от 6-го ноября, где было объявлено, что трамваи 7-го ходить не будут.

Письмо из деревни.

Милостивейший государь, гражданин-товарищ Крокодил!

Хотя Вы к нам, якобы кулакам, без уважения, а равно и к духовному сословию, тем не менее однако осмеливаемся послать по почте запрос. А именно: в номере газеты помещена речь тов. Зиновьева, оным произнесенная на VI съезде профессиональных союзов, где сказано: „Какой советский аппарат нужен деревне“. Указав тут же, что таковой дол-

ГАЗЕТНЫЙ РАБОТНИК.

Рис. Ю. Г.

— Чего стоишь тут?
— Рабкора Стружкина поджидаю. Сделать опровержение на заметку.

жен быть без самогонки и без взяток, далее буквально говорится: в городе более или менее аппарат налажен, а „в деревне нет еще дешевого, трезвого и честного советского аппарата“, и что таковой надлежит создать.

Сия часть речи приводит нас, с одной стороны, в уныние, с другой же—в недоумение. Ибо: частные аппараты, оборудованные нашим иждивением, стоят вполне на высоте техники и доводят выгонку до 70-градусов, но, конечно, приходится давать взятки. Тут уныние, поскольку советский аппарат, не имея надобности взяткодательствовать, обойдется дешевле. Но, с другой стороны: будучи трезвый и без самогонки, что же именно предполагается через советский аппарат гнать?

Помимо вышеизложенного, просим довести до сведения, что обходились мы до сего времени без советского аппарата вполне удобно и нуждемости в оном не ощущаем.

За торговца Долбенова и совладельца со мною самогонного аппарата Вавилова, аз, смиренный иерей,

Мардраий Божоявленский
руку приложил.

Ответ вышеуказанным гражданам.

Крокодил тоже думает, что при хорошо налаженном советском аппарате указанным гражданам будет не совсем удобно в деревне,—но с этим ничего не поделаешь. На вопрос, что же именно будет гнать советский аппарат, Крокодил отвечает: между прочим, будет гнать и самогонку,—и еще кое-что, и еще кое-кого... При мирской подмоге, надо полагать, выгонит!

УВАЖИТЕЛЬНАЯ ПРИЧИНА

РЕДАКТОР ГАЗЕТЫ „НА ВАХТЕ“ (сотруднику):—Ваша рукопись нам не подходит: в ней мало воды!

В ТЕКУЩИХ ДЕЛАХ.

На столе кипел самовар, застенчиво выглядывали из-под салфетки горячие,—с пылу, с жару—булки, мледа, в ожидании непосредственной смычки с ними, „любительская“ колбаса. Было светло, тепло и, вообще, не плохо. Пили чай. Разговаривали.

— Н-да,—сказал раздумчиво Павел Петрович,—сидим вот, беседуем, чай распиваем... А отчего бы, конечно, нам и не распивать? С чьей стороны может быть к этому препятствие? Обстановка сейчас спокойная: завоевали мы ее, спокойную обстановку! За шиворот нас не возьмут, в тюрьму нас не поведут: довольно, были такие времена, когда рабочих по тюрьмам гноили,—были, да и будем поросли! Чего же нам, стало быть, волноваться? И отчего ж бы не распивать, например, чаев при полном душевном спокойствии и при центральном паровом отоплении? А?..

— Все это так, но почему ж у тебя ехидство в голосе? К чему ты, собственно, клонишь? — спросил Николай Евстигневич.

— К тому и клоню. Сидим вот... А другие рабочие люди, в других государствах, тоже сидят: только не за чаем с колбасою, а за железными за решетками! Газеты-то, небось читаете? Что в Польше делается, в Румынии, в Германии—известно вам? Как там с революционерами из рабочего класса,—знаете?.. „Порой изнывали по тюрьмам сырым“,—эти слова вам знакомы? Вот! А мы... чай распиваем!

— Чтой-то и не пойму я тебя...—недовольно отозвалась

жена Павла Петровича.—Ну, по тюрьмам сидят, так что ж нам чаю не пить из-за этого?

Павел Петрович сказал:

— Чаю не пить—это глупость. Но позаботиться о тех, которые по тюрьмам сидят, помощь им оказать, вот это бы не мешало! И приходит мне в голову, откровенно говоря, такая вещь: отчего бы не основать, например, общество... ну, вот, как раньше был политический „красный крест“?.. Общество, которое помогало бы заключенным революционерам и материально, и...

— Ну, скажем, так,—перебил Николай Евстигневич:—международное общество помощи борцам революции. Да?

— Вот, вот!—оживился Павел Петрович.—Ишь ты: сразу поймал мою мысль за хвост! Значит, дело я говорю?..

Николай Евстигневич подтвердил:

— Мысль хорошая, что и говорить! Только вот что... Поймай,—это какой у тебя значек прицеплен?

— Круглячок-то этот?.. Как его... „Мопр“!

— Для чего же он у тебя?

— Хым...—затруднился Павел Петрович:—как бы тебе сказать?.. На прошлом собрании поставили в текущих делах: предлагается всем, как один, вступить в Мопр! Ну, всем как один, так всем как один—о чем разговаривать?.. Всех дел—четвертак!

И сконфуженно усмехнувшись, признался:

— А что за „Мопр“ за такой,—не удосужился, по совести говоря, разузнать. То ли московское что-то, то ли морское...
Грамен.

СТРЕЛОЧНИК ВИНОВАТ.

Стрелочник на ст. Раздольная Приокруга за 9 руб. в месяц, кроме основной должности исполняет обязанности—водогрея, станционного сторожа и разгружает вагоны. На службу стрелочник выходит в полном вооружении: сигнальный рожок, фонарь, флячки, метла, лопата, ведра... Теперь понятно—почему во всем виноват стрелочник.

МОЛЧАНИЕ—ЗОЛОТО.

Когда-б Парынский Завполитпросвет
Товарищ Зорин
Дал во время молчания обет,
То не был-бы и опозорен.

Но такого обета он не дал, а наоборот, выступил главным „ответчиком“ на „вечере вопросов и ответов“ в г. Парыне, Джетысуйской обл.

— Откуда произошла венерическая болезнь?—был задан вопрос.

Зорин: Я слышал, что от сношения женщины с собакой.

— Кто такие были Робеспьер и Мирабо?

Зорин: Это были руководители Парижской Коммуны; они умерли на баррикадах.

Т. Зорин! Наложите на себя хоть теперь обет молчания! Пожалейте парынцев.

Присутствовавший.

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Дано сие члену профсоюза Голубкину Л. А. в том, что он до последнего времени своего пребывания в м. Бобровице принимал деятельное участие в жизни профсоюза, участвовал в устраиваемых вечерах, как музыкант (пианист) чем показал свою глубокую преданность делу общественности и все-стороннюю полезность в деле содействия.

За уполномоченного О. Н. Б. Денисов
Члены редколлегии: Скородумов и Рябука
Член правления (подпись)

Завкультуротделом Бобрницкого Райисполкома Боярский
Предправления Бобр. Кооп. Тов. Пакутин
Бухгалтер Кремницкий

Делопроизводитель (подпись)

„Крокодил“ полагает, что это удостоверение не действительно... Вот ежели-б вместо шести было-б штук пятьсот подписей и было-б указано, что тов. Голубкин играет не только на пианино, но и на барабане, балалайке, граммофоне, гребенках... тогда, уж конечно... а так не—действительно.

ЧУДО.

Начальник Домзак в Маринске, Томской губ., член Р. К. П. Сосновский уверял на собрании ячейки:

— Понимаете, у моей коровы вымя затвердело. Что будешь делать? Позвал знахарку. Она воду заговорила, вымя обмыла и как рукой сняла... Это я понимаю—чудо!..

Разве это чудо? Чепуха... Как до сих пор Сосновский—член Р. К. П.? Вот это чудо.

!!! СИЛЬНО КОМИЧЕСКОЕ !!!

Рис. Ник. К.

— Знаете, Володя, в этом кино—невыносимая обстановка...

— Врешь, барышня. Мы с Митькой только сейчас полдюжины венских стульев вынесли.

(Кино „Ампир“ на Шереметьевской улице).

СЕДЬМОЕ НОЯБРЯ В МОСКВЕ.

Рис. Н. Купреянова. В ЗАСТРЯВШЕЙ КОЛОННЕ.

— Лозунг мы прихватили несвоевременный. По моему расчету, мы попадем на Красную площадь не раньше, чем к первому мая.

Рис. К. Ротова.

ПЕРЕД ТРИБУНОЙ.

Пионер (очень важно):—Товарищи там, наверху! Передайте мой привет товарищу Рыкову. А то мне отсюда несподручно.

Рис. Ю. Купреянова. БЕСПОЩАДНАЯ КОМСОМОЛИЯ.

Еще разик, еще раз!..

Рис. Ю. Ганфа.

ПРАЗДНИК ПОНЕВОЛЕ.

— Ты, Маша, сегодня посидишь дома. Сегодня такой праздник, что нам неудобно не пойти.